

УДК 809.1

КОМПЛЕКС АРХЕТИПИЧЕСКИХ ИДИЛЛИЧЕСКИХ МОТИВОВ В ТЕТРАЛОГИИ Ф.А. АБРАМОВА «ПРЯСЛИНЫ» КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИДИЛЛИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТА

© 2011 К.М. Карасева

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Поступила в редакцию 7 марта 2011 года

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о присутствии комплекса архетипических идиллических мотивов в структуре тетралогии Ф.А. Абрамова «Пряслины», репрезентируемого в качестве возможной реализации идиллического положения абрамовских героев. Последовательно обосновывается соотносительность идиллических мотивов со структурами «коллективного бессознательного», то есть архетипическими формами.

Анализируются семантика и функции идиллических категорий дома, семьи, земли. Доказывается мысль о проецировании семантики данных идиллических категорий на личность. Выявленная репрезентация героев Абрамова в традиционных для крестьянина ипостасях — хозяин дома, глава семейства, хранитель земли подтверждает идиллическое происхождение абрамовских героев.

Ключевые слова: архетип, идиллика, мотив, категория дома, семьи, земли, аксиология, идиллический субъект.

Abstract: in the article the question of the presence of the complex of archetypal idyllic motives in the structure of tetralogy «Pryasliny» by Ph.A. Abramov is considered. The complex is represented as possible realization of idyllic position of Abramov's heroes. Step by step the interrelation of idyllic motives with the structures of «collective unconscious», which are archetypal forms, is substantiated.

Semantics and functions of idyllic categories of home, family, land are analyzed. The idea of projection of semantics of those idyllic categories upon a personality is being proved. The revealed representation of Abramov's heroes in traditional statuses of a peasant — master of the house, head of the family, keeper of the land — confirms the idyllic origin of Abramov's heroes.

Key words: archetype, idyllic, motive, category of home, family, land, axiology, idyllic subject.

Под мотивом мы понимаем, вслед за В.И. Тюпой, «транстекстуальные единицы художественной семантики» [1, 47]. В разрезе исследуемого вопроса представляется необходимым обозначить ядро надындивидуальных мотивов, восходящих к жанру идиллии. Под ядром надындивидуальных мотивов нами понимаются основополагающие мотивы, порождающие инварианты. К подобной идиллической генерализации можно отнести следующие мотивы: мотив Дома, связанный с ним мотив семьи, мотив труда-«воздаянья».

В тетралогии Ф.А. Абрамова присутствует, на

наш взгляд, комплекс вышеуказанных идиллических мотивов. Подчеркнем, что речь идет именно о комплексе идиллических мотивов в структуре тетралогии «Пряслины», восходящих к «коллективному бессознательному», которое включает скрытые следы памяти человеческого прошлого. Считаем вполне правомерным утверждать, что вышеуказанные идиллические мотивы являются производными архетипических форм в соответствии с теорией архетипа К.Г. Юнга. Архетипы есть мощные психические первообразы, скрытые в глубинах бессознательного, врожденные универсальные идеи, изначальные модели восприятия, мышления. Архетипы передаются из поколения в

поколение и составляют структуру мировоззрения. К.Г. Юнг описал множество архетипов, дав им условные и весьма своеобразные, но точные названия: Самость, Персона, Тень, Анима, Анимус, Дева, Мать, Ребенок, Возрождение, Дух, Солнце, Мудрец, Герой, Бог, Смерть.

По мысли Дж. Поцци, все мотивы восходят к основным архетипам: свет – тень, жизнь – смерть, земля – мать, вода – плодovitость, огонь – жизнь, путешествие – отдых, первобытный эдем и конечный рай [2, 75].

В свете обозначенного представляется целесообразным обратиться к понятию «идиллический модус художественности». По мнению В.И. Тюпы, «для идиллической художественности характерно совмещение внутренних границ «я» с его внерольными границами событийного, обстоятельственного присутствия в мировом жизнесложении» [1, 68]. Идиллическая цельность персонажа представляет нераздельность его я-для-себя и я-для-других: ответственность перед другим (и остальной жизнью в лице другого) становится самоопределением личности. Идиллический субъект сопричастен бытию как целому, он приобщен к жизни всеобщей.

Существо идиллической картины жизни не в смиренном благополучии, но в организующем ее способе существования – в сопричастности бытию как целому.

В идиллической картине жизни имеет место особое отношение времени к пространству, выражающееся в «органической прикреплённости, приращённости жизни и ее событий к месту» [3, 406]. Идиллическое пространство замкнуто, ограничено от внешнего мира, связано с жизнью нескольких поколений, стабильностью.

На наш взгляд, инвариантные идиллические мотивы (мотив Дома, связанный с ним мотив семьи, мотив труда-«воздаянья») происходят из архетипов (Мать, Ребенок, Возрождение, Солнце – по классификации К.Г. Юнга; земля – мать – по классификации Дж. Поцци). Данные архетипы при взаимодействии с идиллическим модусом художественности оформляют вышперечисленные идиллические мотивы в художественной практике, начиная с древнейших литератур.

Далее мы рассмотрим репрезентированные в тетралогии «Пряслины» идиллические мотивы как производные архетипических форм в соответствии с теорией архетипа К.Г. Юнга.

Остановимся на характеристике мотива Дома как неустранимого бытийного начала и непререкаемой ценности. Необходимо оговорить, что традиционно макрообраз Дома относится к архетипическим формам, в основе которых лежат ценностно-смысловые константы национальной картины мира.

Художественное освоение действительности в тетралогии «Пряслины» начинается именно с

порога дома. Действие, как правило, происходит в доме и подворье, жизненное пространство персонажей ограничено деревней Пекашино. Дом для крестьянина – не просто жилое пространство, а локус всей его жизни [4, 11]. Вместе с тем следует отметить, что образ-концепт Дома не ограничен лишь семейным миром. Дом мыслится как отечественное [4, 12]. Эту основополагающую мысль выражает абрамовский герой – Михаил Пряслин: «Россия из домов состоит <...> Да, из деревянных, люди которые рубили <...>» [5, 401].

Как нам представляется, в такой семантике макрообраза Дома имплицирован архетипический смысл, который заставляет бессознательно соотносить состояние дома с состоянием мира.

Пространственная мифологема Дом в русской культуре обладает особой функцией, связанной с проблемой идентичности. У Ф. Абрамова концепт Дома сравнивается с «птичьим гнездом»: «<...> каждая деревня выглядит по-своему. Одна, как птичье гнездо лепится на крутой горе, или шелье поместному; другая вылезла на самый бережок Пинегги – хоть из окошка за-кидывай лесу <...>» [6, 3 – 4].

На протяжении веков дом в национальной культуре был эквивалентом природного, естественного, но освоенного людьми мироустройства и воплощал собой устойчивость, упорядоченность, семейно-родовую близость. На основе обозначенных определений, несмотря на их условность, образуется понятие «дом-гнездо». «Дом – это гнездо, <...> гнездо предполагает стада, детей, очаг, одним словом, символизирует семейную, социальную и экономическую жизнь» [7, 341]. В данном контексте принципиально важной является глубинная связь дома-гнезда с традицией и родом.

«<...> Символическая связь существует между домом... и хранилищем мудрости, то есть традиции самой по себе» [8, 180], с феноменом наследования (как материального, так и духовного, культурного). Существенные для характеристики дома-гнезда качества – это стабильность, защищенность, определенного рода консерватизм, выразившийся в ориентации на ценности традиционного порядка и, что немаловажно, – исконность данного типа жилья, его «укорененность» в специфически национальном способе бытия, его адекватность апробированным формам народной жизни» [9, 33 47].

«Владение «домом» свидетельствует об устойчивом положении в мире» [7, 341]. Стремление к укорененному существованию, хозяйственная и духовная «оседлость» доказывает потребность личности постоянно существовать в заполненном и организованном мире [10, 37]. Не случайно именно образ дома-гнезда, наиболее ярко выражающий онтологический смысл «оседлости», соотносим с особым эмоционально-психологическим типом личности – личностью родовой, «единообразной

<...>, которая раз за разом воплощается в бесконечной лестнице поколений» [11, 201].

Дом-гнездо — это средоточие жизни рода. В «домашнем гнезде» непременно возникает чувство причастности к родовому целому, которое «раздвигает» рамки частного человеческого существования.

В этом плане показателен эпизод первого сенокоса Пряслиных. Образ старой сеной избушки, в которой оказываются юные абрамовские герои, на наш взгляд, может быть ассоциативно сближен с категорией рода: «Михаил сидел у костра... <...>, а глазом косился на давнишние буквы, вырезанные ножом на столе, — ПИГ. <...> никто не обратил внимания на эти три буквы среди множества других букв, которыми были покрыты плахи стола. А буквы-то были отцовские — Пряслин Иван Гаврилович. Их отец когда-то сидел за этим столом...» [6, 405].

Исходя из обозначенного контекста, отмечаем, что Михаил Пряслин ощущает подспудно существующую в данном случае органическую связь с родом. Подчеркнем, что это лишь своего рода обнаружение органической связи с родом на уровне ощущений. Это, по нашему мнению, тождественно «первому шагу» бытийного осмысления личности.

В традиционной аксиологической системе Дом является доминантой как частного, так и общенационального бытия [12, 18]. Центр тяжести жизни человека — в доме-гнезде, в котором только и возможна истинная самореализация человека. Исходя из обозначенного представляется вполне обоснованным обстоятельство, что указанная семантика макрообраза Дома проецируется на личность. В соответствии с таким истолкованием значимость личности определяется тем, насколько она состоялась в домашней сфере — в качестве хозяина дома.

Подтверждением вышесказанному может служить следующий эпизод в тетралогии «Пряслины». «<...> И вслед за тем горделивым взглядом он [Михаил. — К.К.] обвел горницу, или гостиную, как сказали бы в городе. Все новенькое, все блестит: сервант полированный с золотыми рифлеными скобками, <...> диван с откидными подушками...»; «осмотр дома начали с хозяйственных пристроек, а точнее сказать — с комбината бытового обслуживания. Все под одной крышей: погреб, мастерская, баня. <...>» [5, 401].

Подчеркиваем в структуре приведенного эпизода словосочетание «горделивым взглядом», в семантике которого можно выделить коннотативный компонент: «горделивым взглядом обвести» — значит обвести взглядом, преисполненным гордости за то, чем владеешь. Выписанные интерьерные детали, прилегающие к дому хозяйственные постройки, которые задают границы домашнего

пространства, — все это, безусловно, составляет предмет гордости Михаила Пряслина.

По нашему мнению, в таком изображении едва ли несовершенного благоустройства эксплицирована мысль об организации уютного, защищающего пространства дома как критерий одного из аспектов подлинной самореализации личности — в качестве хозяина дома.

В рамках изложенного представляется целесообразным рассмотреть архетип Матери — один из доминантных в теории архетипа К.Г. Юнга. Символы матери присутствуют в вещах, выполняющих защитную функцию [13, 37]. Архаическое сознание интерпретировало строительство дома и освоение пространства (космоса) как совокупность имеющих религиозно-мистическую подоплеку деяний, направленных на борьбу с хаосом [12, 43]. Отсюда основная функция дома — обережная.

Кроме того, «в мифологических культурах закрытое, обжитое пространство, где главенствовали такие атрибуты дома, как постель, печь, тепло, издавна осмыслялось как женское, <...>» [9, 33]. С домом связано столь важное в русском быту понятие уюта, которое, в свою очередь, «ассоциируется с уютом, укрыванием от внешнего мира, в каком-то уголке с покоем» [14, 807]. Таким образом, дом воспринимался в качестве убежища, крепости, приюта, спасающего личность от агрессии внешнего мира.

По нашему мнению, представление о доме как обжитом, уютном, спасающем космосе служит веским аргументом в пользу того, что макрообраз Дома может быть квалифицирован как форма архетипа Матери.

Следует отметить еще один принципиально важный момент: дом — это «свое» пространство. При характеристике дома как «своего» пространства нужно понимать, что имеется в виду не только принадлежность человеку, но и внутренняя соразмерность и сопричастность ему. Дом создается самим человеком и несет на себе отпечаток его личности, то есть становится пространством индивидуализированным.

Дом Михаила Пряслина — это отражение самого хозяина. Убранство дома, множественные хозяйственные пристройки с их сложными архитектурными формами — то, чем Михаил любит ежеминутно, — прямо «соотносится» с внутренним миром личности Пряслина.

Перед нами дом, непосредственно характеризующий собственного хозяина. Все домашнее пространство — это «мир» Михаила Пряслина, человека с твердой хозяйской рукой, постигшего механизмы изменяющейся жизни, оттого более всего ценящего самостоятельность, основательность, покой, защищенность. Здесь, на наш взгляд, актуализирована универсальная семантическая

связь между понятиями «домашний» и «внутренний». В обозначенном контексте эти понятия оказываются равнозначными.

Симптоматично, что предметом особой гордости Пряслина являются ворота: «Михаил уж сколько раз сегодня проходил мимо этих ворот, а вот подошел к ним сейчас, и опять душа на небе. Чудо-ворота! Широкие, на два створа <...>» [5, 274]. Ворота как пограничная зона пространства дома, с одной стороны, соединяет его с внешним миром, с другой – ограничивает его «чужой» мир от «внутреннего», «своего» [12, 29].

Контрастным по отношению к вышеприведенному описанию дома Пряслиных выступает описание их старого дома: «<...> Стены в избе еще голые – нечем оклеить, газету с трудом на курево раздобудешь. <...> Михаил прошел в задоски, заглянул в девчешник... В девчешнике у стены стояла койка на сосновых чурочках. Койка была аккуратно застлана старым байковым одеялом. <...> И еще раз он [Михаил. – К.К.] улыбнулся, когда... наткнулся глазами на новый стол у печи с карандашными пометками и ножевыми зарубками. Живут Пряслины!» [6, 214].

Контрастность данного описания по отношению к вышеприведенному описанию дома представляется вполне обоснованной. Как уже отмечалось, дом есть отражение хозяина. Представленное описание дома Пряслиных позволяет судить о «внутренней организации» личности Михаила Пряслина.

Этот эпизод не дает нам представления о комфорте, благоустройстве быта в доме Пряслиных. Более того, дом несет на себе отпечаток бедности. Но как искренне герой радуется возвращению в этот дом после длительного пребывания в лесу – на лесозаготовках: «И еще раз он улыбнулся, вернувшись в избу и снова оглядывая ее, наткнулся глазами на новый столик у печи...» [6, 214].

В данном случае домашнее пространство с его доморощенной устроено-стью маркировано как «свой», «привычный» мир. И этот «привычный» мир – мир Михаила Пряслина – юноши, постепенно и все тверже вступающего в многомерную противоречивую жизнь, наделенного интуитивным чувством гармонии действительности.

В мотивном комплексе идиллики наряду с мотивом Дома следует выделить мотив семьи. Дом, семья есть фундаментальные ценности и для личности, и для национальной культуры.

Нам представляется вполне обоснованным семантическое сближение собственно идиллических категорий – «дом» и «семья». Как уже говорилось, дом воплощал собой устойчивость, упорядоченность, семейно-родовую близость [подчеркнуто мной. – К.К.]. Вместе с тем семья есть устроительница дома, дом «есть единица <...>

в смысле нравственного союза семейства...» [9, 43]. Корреляция мотива Дома и мотива семьи детерминирует возможность рассмотрения последнего как одной из форм архетипа Матери. С этим архетипом ассоциируются такие качества, как ма-теринская забота и со-чувствие; все, что связано с добротой, лаской, поддержкой.

Семья является средоточием основных жизненных ценностей, оплотом традиций, местом формирования нравственных устоев личности. В семейных отношениях роль матери осмыслена в идеально-высоком плане: это женщина, дарующая жизнь, стоящая на страже и оберегающая семейный мир.

Рассматривая вопрос о семантике макрообраза Дома, мы отметим, что именно в доме-гнезде возможна истинная самореализация личности. Одним из аспектов самореализации личности выступает реализация личности в домашней сфере – в качестве хозяина дома.

Исходя из обозначенного выше контекста значимость личности определяется и тем, насколько она состоялась в семейной сфере – в качестве главы семьи. Доказательством того может служить следующий эпизод тетралогии Ф. Абрамова. «Есть, есть все-таки радости на этом свете! Еще не успело отыграть в воротцах стальное кольцо, еще не успел он как следует войти в заулок да потрепать здоровой рукой Лыска, который со всех ног бросился навстречу хозяину, а в доме уже загремели, захрохали двери, и вот уже все три дочери виснут на нем. <...> Эх, жаль, не может он сейчас подхватить их на руки да на руках втащить в дом. Любил он раньше, возвращаясь домой, проделывать та-кие штуки!» [6, 371].

В свете заявленного положения представляется необходимым отметить, что идиллический мотив семьи соотносится с архетипом Отца, равно как и с архетипом Ребенка.

В отношении героинь Ф. Абрамова важнейшим аспектом реализации в семейной сфере является утверждение ими собственного положения в качестве матери. Именно в образе матери в полной мере реализована природная, биологическая и нравственная сущность женщины – продолжательницы жизни на земле, хранительницы национальных душевных богатств: «<...> В мутном утреннем свете <...> она [Анфиса Минина. – К.К.] увидела долгожданную улыбку на лице спящего сына, услышала его ровное дыхание, и блаженная материнская радость залила ее сердце» [6, 451].

В идиллической картине мира имеет место не только спокойное семейное бытие в индивидуализированном «своем» пространстве-доме, но и творческий земледельческий труд. Далее рассмотрим мотив земледельческого труда, труда-«воздаянья», присутствующий в тетралогии «Пряслины».

В разрезе вопроса об архетипичности мотива земледельческого труда считаем целесообразным оговорить, что вышеназванный архетип Матери часто ассоциируется с местами или вещами, которые символизируют плодородие и изобилие, в частности, со вспаханым полем [15, 76]. На уровне поэтики поле следует рассматривать, по нашему мнению, в качестве ландшафтного топонима, организующего земледельческое жизненное пространство, имеющего собственно аграрную семантику, связанную с культом зерна, хлеба как «основы основ крестьянского выживания» [16, 8].

Говоря о соотношении вышеназванных идиллических мотивов со структурами «коллективного бессознательного», то есть архетипическими формами, в соответствии с теорией архетипа К.Г. Юнга, считаем целесообразным подчеркнуть, что «архетипы – непоколебимые элементы бессознательного, но они постоянно изменяют свой облик» [15, 47]. Например, архетип ребенка содержит мотивы потенциального будущего, мотив осознания, мотивы заброшенности, покинутости, подверженности опасностям и непреодолимости. Отдельный архетип, будучи очень сложным органом сознания, связан с другими архетипами, и вместе они «образуют схватываемое единство». Значит, за каждым архетипом скрыт мотивный комплекс, который получает воплощение в художественных произведениях.

Герои тетралогии Абрамова – жители архангельской деревни Пекашино – это люди, кровно связанные с землей. Они даны автором в характерном для них как земледельцев отношении к земле. Перед читателями предстают героини-труженики, знающие непонаслышке о работе на земле: «Последнее поле досевали вечером. <...> Надо было рубить лопатой тяжелые плиты дернины, вытряхивать клочья, сносить их на промежек. Над полем стояла густая едучая пыль...» [6, 73].

Вместе с тем земледельческий труд сродни творческому акту. Творчество в земледельческом труде, по мнению Г.И. Успенского, для большинства крестьян представляется жизненным интересом, источником мыслей и взглядов на действительность. Именно поэтому в земледельческом труде Г.И. Успенский усматривает «основание для организации крестьянской жизни...» [17, 478 – 479].

Неустанность этой тяжелой работы может быть объяснена тем, что в ходе ее крестьянин ощущает нравственное и эстетическое удовлетворение, переживает поэзию земледельческого труда [17, 478 – 479].

Одно из указанных объяснений неустанности земледельческой работы находим в эпизоде первого выезда Пряслиных на покос. Сцена семейного покоса «подана» как праздник: «<...> Весело, со

свистом летает серебряная коса у Михаила, а у Лизки, <...> на виду другая коса – девичья, <...> и фик-фик – синичками звенят косы двойняток» [6, 407]. В структуре данного эпизода, на наш взгляд, содержится обоснование положения о том, что в ходе работы земледелец ощущает эстетическое удовлетворение. Итогом удивительно слаженной работы юных косцов становится «голая пожня», которой любит Лиза Пряслина: «<...> И ей [Лизке. – К.К.] любо, любо было заодно пробежаться своим глазом по голой пожне. Хороша, красива пожня в цветущей траве. <...> Но всех краше и лучше пожня, когда она голая. Когда с нее только что сено сгребено» [6, 407].

Работа на земле, подчиненная временам года, формирует у земледельца нравственные чувства, прежде всего, чувство ответственности и долга перед землей. Неустанный земледельческий труд, на наш взгляд, закладывает ту почву, в которой укореняются христианские заветы любви к ближнему. В обозначенном контексте весьма красноречивым представляется следующий эпизод. «Настя поскользнулась, <...> Выбравшись на сушу, она переобулась, отжала подол и, усталая, голодная, побрела дальше. <...> Ничего, только бы добраться до дому, а там она переоденется во все сухое, на печь залезет. <...> Где-то в стороне – или ей почудилось это – всхрапнула лошадь. Конечно, почудилось. <...> Какая теперь лошадь – все давным-давно дома. Нет, опять всхрапнула. <...> На поле кто-то пахал <...> В пахаре она еще издали опознала Анну-куколку.

<...>

Она подбежала к Анне, легонько оттолкнула ее от плуга. – Иди встречай сама Лизку, а я здесь управлюсь.

<...>

Анна уже была далеко-далеко, а Настя все глядела и глядела ей вслед, и радостная, счастливая улыбка не сходила с ее губ. <...>» [4, 64].

Особо оговорим, что в идиллической модели на первый план выдвигается «немеханизированный земледельческий труд» [16, 107]. Именно немеханизированный земледельческий труд на земле является важнейшей составляющей жизни крестьянина, источником его духовного здоровья. Не случайно традиционные формы земледельческого труда – пахота, посевная, сенокос, уборка, обмолот, – в которых человек проявляется полностью, «в своей духовной сути, в главных связях с миром: другими людьми, природой...» [18, 133], – излюбленный объект изображения у Ф. Абрамова. Пекашинцы хотят отличиться друг перед другом мастерством, выносливостью. Во время весенне-летней страды возникает состязание, увлекающее и молодых, и старых. Патриарх деревни Степан Андреянович

Ставров, как в юности, соперничает с Трофимом Лобановым; женщина богатырского сложения Марфа Репишная бросает вызов соседке Дарье; юноша Михаил Пряслин стремится опередить сверстницу Дунярку.

Суммируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что именно «момент земледельческого труда создает реальную связь и общность явлений природы с событиями человеческой жизни <...>; кроме того, что особенно важно, — земледельческий труд преобразует все моменты быта, лишает их частного <...> характера, делает их существенными событиями жизни» [3, 384].

Анализируя мотивный идиллический комплекс, локализованный в тетралогии Ф.А. Абрамова «Пряслины», мы тем самым имели возможность проследить особенности идиллического положения героя в мире. Подчеркнем, что идиллическое положение субъекта в мире предполагает полную причастность к жизни природной, родовой. Исходя из высказанных суждений, считаем правомерным утверждать, что идиллический комплекс мотивов в тетралогии Ф.А. Абрамова формирует идиллического субъекта. Как видно из эпизодов тетралогии «Пряслины», подвергнутых нами интерпретации, абрамовские герои, безусловно, имеют идиллическое происхождение. Подтверждением тому, на наш взгляд, может служить репрезентация героев Абрамова в традиционных для крестьянина ипостасях: хозяин дома, глава семейства, хранитель земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тюпа В.И. Типы художественности / В.И. Тюпа // Тюпа В.И., Фуксон Л.Ю., Дарвин М.Н. Литературное произведение: проблемы теории и анализа. — Кемерово, 1997.
2. Фазолини М. О религиозной тематике в русской литературе (на материалах А. Фета и Я. Полонского) // Технологии гуманитарного поиска: Лингвистика. История: сборник статей / Под ред. В.К. Харченко. Белгород : Изд-во Белгородского гос. университета, 2000.
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и

эстетики. — М., 1990.

4. Новожеева И.В. Концепция человека в деревенской прозе 1960 — 1980-х годов / И.В. Новожеева. — Брянск, 2007.
5. Абрамов Ф.А. Пути-перепутья. Дом: романы. 3-я и 4-я книги тетралогии «Братья и сестры» / Ф.А. Абрамов. — Ижевск, 1985.
6. Абрамов Ф. Пряслины: трилогия / Ф. Абрамов. — Л. : Лениздат, 1978.
7. Элиаде М. Избранные сочинения: миф о вечном возвращении; образы и символы; священное и мирское / М. Элиаде. — М., 2000.
8. Керлот Х.Э. Словарь символов / Х.Э. Керлот. — М., 1994.
9. Щукин В.Г. Концепция дома у ранних славянофилов // Славянофильство и современность: сборник ст. / РАН. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом); отв. ред. Б.Ф. Егоров / В.Г. Щукин. — СПб. : Наука, 1994.
10. Элиаде М. Космос и История: избранные работы / Под общ. ред. И.Г. Пригулевича, М.Л. Гаспарова / М. Элиаде. — М., 1987.
11. Панченко А.М. О русской истории и культуре / А.М. Панченко. — СПб. : Азбука, 2000.
12. Разувалова А.И. Образ дома в русской прозе 1920-х годов: дисс. ... канд. филол. наук: [электронный ресурс] / А.И. Разувалова. — М., 2005.
13. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. — М., 1991.
14. Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. Степанов. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
15. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / К.Г. Юнг. — Киев, 1996.
16. Большакова А.Ю. Поэтика пространства в деревенской прозе: Земля и космос С. Залыгина // Человек и природа в русской литературе: к 95-летию С.П. Залыгина: материалы международной научно-практической конференции / А.Ю. Большакова. — Мичуринск, 2008.
17. Письма из деревни: очерки о крестьянстве в России второй половины XIX в. / Сост. Ю.В. Лебедев. — М., 1987.
18. Акимов В. Есть люди в Пекашине! / В. Акимов // На ветрах истории: очерки о книгах советских писателей. — Л., 1981.

Карасева К.М.

*Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. Аспирант филологического факультета, кафедра русской литературы XX века.
e-mail: karasevakristina@mail.ru*

Karasyova K.M.

Bryansk state university named after I.G. Petrovsky. Post-graduate faculty of philology, chair of Russian literature XX century.